

Е.Ю. Ендольцева

РЕЛЬЕФЫ АНАКОПИИ И АРХИТЕКТУРНАЯ ПЛАСТИКА АБХАЗСКОГО ЦАРСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В стену алтарной апсиды полуразрушенной церкви св. Феодора, расположенной на территории цитадели города-крепости Анакопия (г. Новый Афон, Республика Абхазия), вмонтировано несколько десятков каменных рельефов неизвестного происхождения, время изготовления и функция которых до сих пор остаются под вопросом (см. рис. 1). Современным своим состоянием, согласно надписи в алтаре, они обязаны монахам соседнего Ново-Афонского монастыря, которые в конце XIX в. собрали камни со следами резьбы вокруг церкви и на склонах увенчанной ею горы и сделали из них своеобразную композицию, зацементировав ее в алтарной стене. По объему и разнообразию стиля этот импровизированный лапидарий составляет одно из самых значительных художественных собраний Абхазии. Адекватная классификация составляющих его разнородных фрагментов могла бы оказать существенную помощь в изучении архитектурной пластики средневековой Абхазии.

В настоящей статье прежде всего анализируются содержательные, стилистические и технические особенности каждого отдельного рельефа. Затем в их числе выделяются несколько групп по признакам общности репертуара изобразительных мотивов, стилистических тенденций и технических приемов, и каждая группа сопоставляется с известными аналогиями. На заключительном этапе результаты анализа сопоставляются с имеющимися сведениями по истории строительства церкви св. Феодора и города Анакопии.

Город-крепость Анакопия и каменные рельефы в алтаре церкви св. Феодора не раз привлекали внимание исследователей. Не претендуя на исчерпывающую историографическую справку, отметим лишь работы, актуальные в рамках поставленной задачи. Первые публикации с описанием и частичным анализом рассматриваемых рельефов принадлежат русским ученым-путешественникам и лицам духовного сана, участвовавшим в культурном освоении Кавказа после его присоединения к Российской империи. Целый ряд интересных сведений описательного характера встречается в записках графини Уваровой¹ и архимандрита Леонида².

В.В. Латышев, работая над составлением свода христианских греческих надписей Крыма и Кавказа, также посетил Анакопию. В результате появилась статья, в которой с присущей этому исследователю проницательностью изложен целый ряд наблюдений и выводов в отношении не только камней с надписями, но и некоторых рельефов³. В послереволюционные годы археоло-

¹ Уварова П.С. Христианские памятники. Абхазия, Аджария // МАК. 1894. IV.

² А.Л. Абхазия и в ней Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. М., 1885.

³ Латышев В.В. К истории христианства на Кавказе. Греческие надписи из Ново-Афонского монастыря // Сборник археологических статей, поднесенных графу А.А. Бобринскому. СПб., 1911.

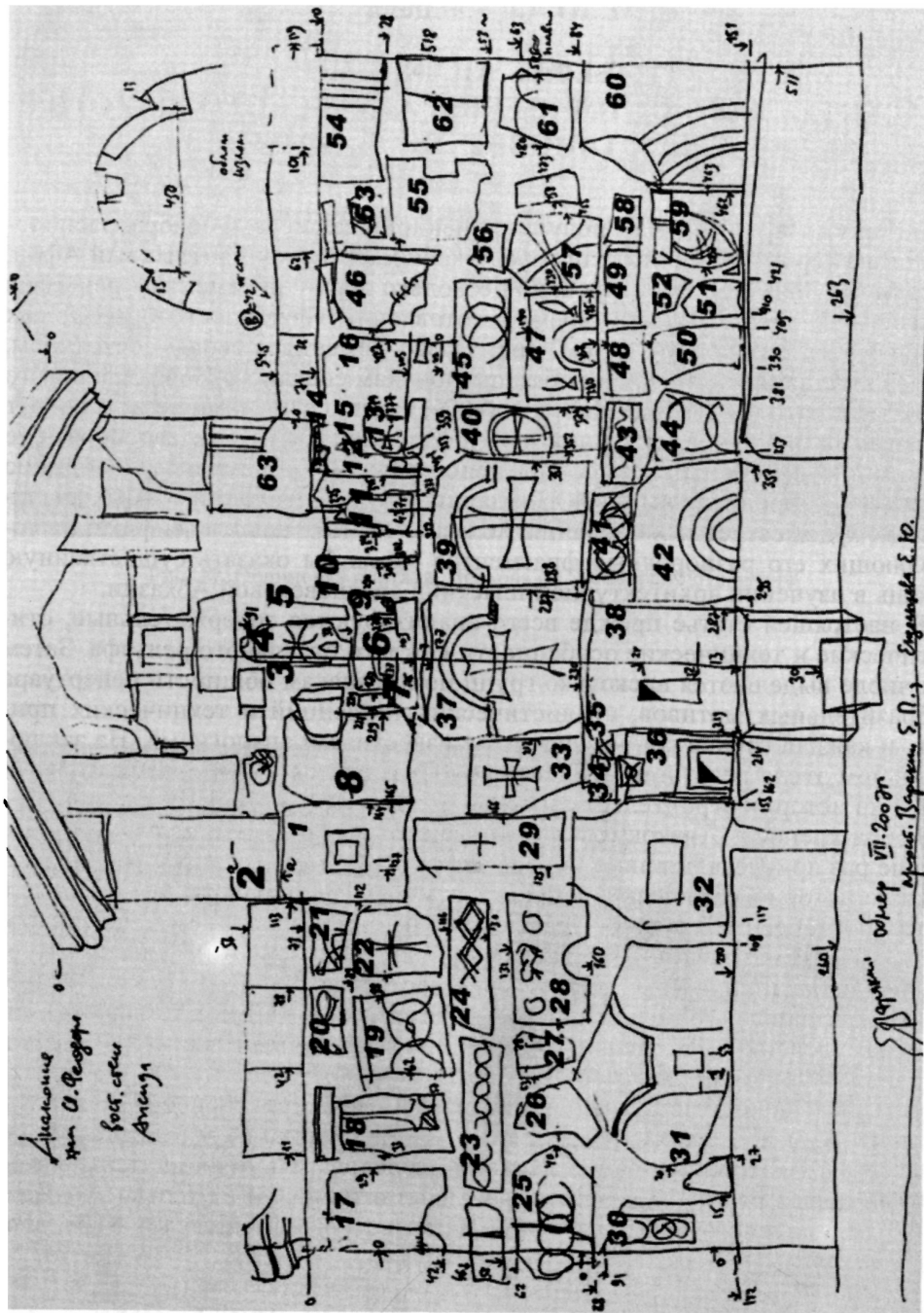


Рис. 1. Чертеж рельефов. Выполнен архитектором-реставратором Е. П. Варакиным

гические изыскания продолжались. Так, А.С. Башкиров, занимаясь историей Анакопии, предпринял тонкий анализ архитектурных форм и особенностей кладки церкви св. Феодора. При этом высказаны интересные соображения о способе ее облицовки и орнаментальной декорации⁴. Важной вехой в истории изучения Анакопии стали археологические раскопки полевых сезонов 1957–1958 гг. под руководством известного абхазского археолога М.М. Трапша⁵, впервые обратившегося к изучению оборонительных сооружений Анакопии. Вслед за публикацией результатов этих раскопок Ю.Н. Воронов предпринял попытку обобщения накопленных на тот момент сведений по истории города и рельефов⁶. В работе, посвященной раннесредневековой скульптуре Абхазии, Л.Г. Хрушкова⁷ представила исчерпывающий обзор истории изучения некоторых анакопийских рельефов. Но при этом исследовательница предложила также ряд далеко не бесспорных, недостаточно обоснованных атрибуций. Одно из последних археологических исследований на территории крепости проводилось в 2004 г. под руководством Ю.Б. Бирюкова⁸. Работы, связанные с подготовкой к реставрации восточной башни цитадели, проводились по заказу Управления по охране памятников Республики Абхазия.

Некоторые из указанных работ содержат интересные сведения по интересующим нас вопросам, но ни одна не предлагает исчерпывающих ответов на них. Поэтому задерживаться на критическом анализе историографии нецелесообразно.

По признакам общности репертуара представленных изобразительных мотивов имеющиеся рельефы подразделяются на пять групп (камни с надписями выделяются в отдельную группу) (рис. 2–3).

Первую группу образуют рельефы с изображениями животных. Две плиты из числа вмонтированных в алтарную стену чрезвычайно схожи по технике обработки, размерам и по форме (рельефы 28, 47). Небольшие полукруглые вырезы в нижней части каждой из них свидетельствуют о том, что использовались они в облицовке фасадов некоего церковного здания в качестве верхних наличников окон. Обе плиты выполнены из известняка, имеют прямоугольную форму. Характер изображения и его размещение на плите также идентичны: обе плиты обведены с четырех сторон выпуклой рамкой, над вырезом в каждом случае располагается архивольт с профилем выкружки, заключенный между двумя полочками. Изображение располагается в середине каждой из плит, между архивольтом и рамкой. На первой плите изображен лев, судя по указанным ниже аналогиям (рис. 4). Зверь показан схематично в профиль, его грива изображена условно, короткими параллельными штрихами. Видны

⁴ Башкиров А.С. Археологические разыскания в Абхазии летом 1925 г. Сухум, 1926.

⁵ Трапш М.М. Труды. Материалы по археологии средневековой Абхазии. Т. 4. Сухуми, 1975. С. 88–149.

⁶ Воронов Ю.Н. В мире архитектурных памятников Абхазии. М., 1979.

⁷ Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси, 1980. С. 26–32.

⁸ Автор благодарит сотрудников Управления по охране памятников Республики Абхазия во главе с В.В. Бжания и историка-краеведа А.С. Агумаа за возможность ознакомиться с материалами неопубликованного археологического отчета Ю.Б. Бирюкова за полевой сезон 2004 г. и за содействие в проведении исследований.

все четыре полусогнутые лапы и довольно длинный хвост, загибающийся на спину животного. Симметрично по сторонам от льва помещены две розетки круглой формы с полукруглыми, находящими друг на друга лопастями внутри каждой из них, интерпретируемые некоторыми исследователями как “древние солярные символы”⁹. На второй плите, абсолютно идентичной первой по форме, характеру изображения и вероятной функции, представлены три рыбы или, по другому мнению, рыба между двумя схематично намеченными кипарисами¹⁰ (рис. 5). Рыба в центре плиты, между архивольтом и рамкой, представлена в профиль и имеет удлиненное тело. Техника исполнения рельефа также сходна с техникой исполнения первой плиты.

К этим двум плитам ранее примыкала третья, идентичная им по указанным признакам, местонахождение которой в настоящий момент неизвестно (рис. 6). В научный оборот она была введена В.В. Латышевым¹¹, который, ссылаясь на архимандрита Иерона, обнаружившего ее в развалинах недалеко от церкви св. Феодора, сообщает, что “камень снят со стены цистерны для собирания дождевой воды”¹², находящейся прямо под церковью. Эта плита представляет особый интерес, так как наряду с рельефным изображением на ней была строительная надпись, вероятно, относившаяся к постройке, которую она украшала.

Сначала рассмотрим рельеф. Как и в обоих предыдущих случаях, изображение располагалось в центральной части, между архивольтом и рамкой. Здесь был представлен равноконечный крест с сильно расширяющимися к концам перекладинами, образующими треугольники со слегка вогнутыми сторонами. Внутри каждого треугольника вырезаны меньшие по размеру треугольники, с большими точками внутри. Из горизонтальной перекладины в обе стороны выходят животные, изображенные крайне примитивно, примерно наполовину туловища. В животном, представленном слева (для зрителя) от креста, по схематичному изображению гривы (как на одной из уже рассмотренных плит этой группы) и по разинутой зубастой пасти можно узнать льва. Животное, показанное справа от креста, по четко изображенным рогам идентифицируется как бык. Не будем сейчас касаться дискуссии о символическом содержании этих образов¹³, так как эта проблема непосредственно не связана с поставленными нами вопросами. Отметим только явное стилистическое и типологическое сходство изображений зверя, похожего на льва, на двух плитах рассматриваемой группы.

Помещенная на этой третьей плите греческая надпись была опубликована В.В. Латышевым¹⁴, подробно рассмотревшим ее содержание¹⁵. Согласно его чтению, надпись сообщает о строительстве церкви в правление византийско-

⁹ Хрушкова Л.Г. Скульптура.... С. 27.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Латышев В.В. К истории христианства... С. 20.

¹² Там же. С. 22.

¹³ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. М., 2002. С. 191–195.

¹⁴ Латышев В.В. К истории христианства... С. 24.

¹⁵ Там же. С. 20–28.

го императора Константина Мономаха¹⁶. Мы остановимся лишь на некоторых моментах, существенных для датировки рельефов рассматриваемой группы, в частности на соотношении между рельефом и надписью. Затрагивая этот вопрос, В.В. Латышев отмечает, что по сторонам креста находились традиционные начальные буквы имени Христа (НС, вместо IC, ХС). Надпись “вырезана уже после окончания архитектурной отделки плиты и выделки на ней креста с эмблемами”¹⁷. Это наблюдение отнюдь не свидетельствует о том, что надпись выполнена при вторичном употреблении декоративной плиты, изготовленной в более ранний период. Напротив, расположение надписи на поверхности одной плиты и очевидное стремление резчика “воспользоваться всеми местами, которые остались свободными после архитектурной и скульптурной отделки плиты”¹⁸, скорее свидетельствует об одновременном исполнении рельефа и надписи¹⁹. Предположение об изготовлении надписи при вторичном употреблении древних *srolia* должно объяснять причины локализации надписи на явно слишком тесной для нее поверхности одной плиты. Еще один аргумент в пользу этого допущения будет предложен ниже, при рассмотрении аналогий. Кроме того, орфография надписи, как отметил В.В. Латышев, выдает местное происхождение мастера, поверхностно знакомого с греческим языком²⁰ и писавшего “согласно своему произношению”²¹. В заключение еще раз подчеркнем однородность всех трех рассмотренных рельефов в отношении их формы, техники исполнения, изображенных мотивов и, видимо, функции.

Круг аналогий невелик. Выявлены иконографические параллели изображению льва. На фасаде церкви Иоанна Крестителя в местечке Пархали, историческая провинция Тао, обрамление верхнего наличника окна украшено изображением зверя, напоминающего льва на рельефах Анакопии (рис. 7). Отметим и тот факт, что характер расположения декоративных элементов на плите также идентичен наблюдаемому на рельефах первой группы из Анакопии. В Пархали плита также обведена со всех четырех сторон выпуклой рамкой, над небольшим полукруглым вырезом располагается архивольт с профилем выкружки, заключенный между двумя полочками. Изображение находится в середине плиты, между архивольтом и верхней рамкой²². Зверь, еще более чем в предыдущих случаях похожий на льва, также представ-

¹⁶ Там же. С. 24; см. перевод “Построена промыслом Бога и Богородицы и великим счастьем Константина Мономаха, великого царя и самодержца Римлян, содействием Евгения протоспафария Деспота и Феодора Валанти, таксиарха Касы, сия дивная... лета 6554, в месяце феврале, индикта 14”.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. Там же. О порядке изготовления надписи: “Он начал надпись (поставив впереди обычный крестик) под верхней рамкой в свободном поле влево от креста, затем, дойдя до верхней полочки архивольта, перенес надпись в поле вправо от креста: заполнив и это поле, перешел в углубление между полочками, где уместил одну строчку, извивая ее по изгибу углубления: отсюда перешел на нижнюю рамку, также соответственно изгибу, и уместил здесь 1, 5 строки, не успев, однако, закончить надпись и здесь, он перенес ее на верхнюю рамку и затем на правую, на середине которой и окончил свой текст”.

²⁰ Там же. С. 23.

²¹ Там же.

²² Беридзе В. Место памятников Тао-Кларджети в истории грузинской архитектуры. Тбилиси, 1981. Табл. 99.

лен в профиль. Аналогична и поза: лапы опущены, хвост поднят. Правда, в Пархали на хвосте видна кисточка. Грива также представлена схематично. По обе стороны от животного симметрично расположены два растения с кудрявыми ветвями. Чрезвычайно важен тот факт, что церковь в Пархали и ее резное убранство датируются достаточно определенно, 60–70-ми годами X в. Этот временной отрезок определяется по сообщению Пархальского евангелия, переписанного в 973 г. “для новой церкви в Пархали”²³. Ее возведение связывают с деятельностью Давида III Великого, получившего в 978 г. звание Куропалата, о чем также упомянуто в приписках в Пархальском евангелии²⁴.

Другое подобное изображение льва происходит с северного фасада собора монастыря в Ошки²⁵, также находящегося в исторической провинции Тао (рис. 8). Симметрично по сторонам окна представлены изображения льва и быка. Подобно вышеописанным рельефам лев показан в профиль, а поза его напоминает изображение с фасада храма в Пархали: лапы опущены, хвост поднят и загибается на спину. О времени строительства храма сообщается в надписях, украшающих его фасады. Среди его заказчиков, как и в предыдущем случае, фигурируют Давид III и его брат “эристав эриставов” Багра́т (ум. в 966 г.). В одной из строительных надписей указано также и время основания храма, 963 г., а в другой отмечено, что работы велись 10 лет, т.е. вплоть до 973 г.²⁶

Еще одно аналогичное изображение льва с быком представлено на рельефе карниза фасада храма в Вале²⁷ (рис. 9). Животные помещены на гладком фоне известняковой плиты. Лев, как и в предыдущих случаях, показан в профиль, его пышная грива изображена более реалистично, чем в предыдущих случаях, но все-таки условно. Лапы животного полусогнуты, хвост поднят и располагается параллельно спине. Храм в селе Вале находится на территории исторической провинции Самцхе (современная территория Юго-Западной Грузии и частично Турции). Начало строительства храма по имеющимся архитектурным аналогиям датируется второй половиной X в.²⁸, интересующий нас рельеф находится на фасаде, который может быть отнесен к первой фазе строительства.

Принимая во внимание три приведенные аналогии и свидетельство надписи на утерянном рельефе из Анакопии, можно сделать несколько выводов. Во-первых, аналогичные изображения в сочетании с аналогичными надписями в Ошки подтверждают вероятность одновременного исполнения рельефа и надписи из Анакопии. Следовательно, три однотипных рельефа первой группы из Анакопии могут быть датированы временем правления Константина IX Мономаха. Во всяком случае, их датировка, по-видимому, не может выходить за пределы интервала с 60-х годов X в. по 1046 г. В силу этого

²³ Там же. С. 167.

²⁴ Там же.

²⁵ *Закарая П.* Зодчество Тао-Кларджети. Тбилиси, 1992. Ил. 213.

²⁶ Там же. С. 164.

²⁷ *Аладашвили Н.А.* Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–X веков. М., 1977. Ил. 95.

²⁸ *Метисашвили Р.* Храм в с. Вале и два основных периода его строительства // *ArsG.* Т. 3. Тбилиси, 1950. С. 25–52.

невозможно согласиться с мнением Л.Г. Хрушковой, которая отнесла эти рельефы ко второй половине VI – началу VII в.²⁹

Вторую группу рельефов образуют каменные плиты с изображениями крестов (рельефы 22, 4, 33, 37, 39, 40, 13, 57). Исходя из форм крестов, в ней можно выделить несколько подгрупп. В первую подгруппу входят две однотипные известняковые плиты (рельефы 37, 39). Изображения крестов очень сходны по форме, технике исполнения, размерам и, очевидно, по функции. На первой плите на гладком фоне представлен крест характерной формы, с расширяющимися ветвями, причем вертикальные перекладины длиннее горизонтальных. Снизу одна из плит имеет полукруглую форму, подсказывающую, что он представляет собою верхнюю часть наличника окна. Несмотря на то что нижняя часть второй плиты, где должен был бы находиться такой же полукруглый вырез, не сохранилась, внешнее сходство с первой плитой позволяет и в ней видеть верхнюю часть наличника окна. Обе плиты украшали, очевидно, одно и то же здание. В обоих случаях кресты расположены между выпуклым валиком, напоминающим архивольт с полочками (в верхней части плиты), и нижним полукруглым вырезом. По форме кресты вполне идентичны. Различается лишь их количество: на первой плите помещен один крест, расположенный точно на оси симметрии предполагаемого наличника, а на второй плите изображены три креста. В этом случае центральный крест значительно больше боковых по размерам.

Аналогичные по форме и функции резные плиты встречаются над щелевидными окнами нижней части восточного фасада храма в Кумурдо³⁰ (в первую очередь это касается плиты с изображением одного креста) (рис. 10). Этот собор находится в исторической провинции Джавахети. Постройка датируется по нескольким строительным надписям, главная из которых находится над южным входом. В этой надписи указаны год строительства храма, 964 г., и имя ктитора – абхазского царя Леона III (957–967)³¹.

Плита с изображением трех крестов (рельеф 37) по внешнему сходству может быть отнесена к тому же времени, что и плита с одним крестом. К такому же выводу склоняют результаты анализа развития композиции с тремя крестами в средневековом искусстве исследуемого региона в работе Л. Рчеушвили³². Исследователь подчеркивает, что эта композиция может быть понята как изображение Голгофы, причем полукруглое завершение оконца, на которое опирается центральный крест, может быть истолковано как изображение самой Голгофы³³. Приводимые параллели убеждают в том, что этот мотив встречается на фасадах храмов первой половины X в. и в ряде случаев (например, верхний наличник окна на восточном фасаде церкви в Кабери, историческая провинция Картли) удерживается до начала XI в.³⁴ Таким образом, и в этом случае оказывается проблематичной датировка, предложенная Л.Г. Хрушковой, которая отнесла обе плиты к V–VI вв.³⁵

²⁹ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 30.

³⁰ Аладашвили Н.А. Монументальная скульптура... Ил. 73.

³¹ Беридзе В.В. Архитектура Тао-Кларджети. Тбилиси, 1981. С. 156.

³² Рчеушвили Л. Купольная архитектура VIII–X веков в Абхазии. Тбилиси, 1988. С. 22–28.

³³ Там же. С. 22.

³⁴ Там же. С. 26.

³⁵ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 13.

В эту же подгруппу следует включить и еще один рельеф с изображением креста аналогичной формы (рельеф 40). Очевидно, что для адекватного восприятия эту плиту нужно мысленно повернуть на 90° вправо. Тогда ее функция становится ясной: по-видимому, она располагалась над входом в церковное здание. Форма креста повторяет форму крестов в двух рассмотренных выше примерах, хотя размеры его несколько меньше. Крест помещен в обрамление в форме круга. Аналогичный по функции рельеф помещен над входом церкви на границы крепости, у третьей линии обороны, возле водопада³⁶ (рис. 11). Со времени основания Ново-Афонского монастыря эта церковь считается посвященной апостолу Симону Канониту. Исходя из ее архитектурных особенностей, большинство исследователей датирует ее X в.³⁷

К этой же подгруппе можно отнести и рельеф на плите, находящейся слева (для зрителя) от плиты с тремя крестами под аркой (рельеф 33). На гладкой поверхности плиты здесь вырезан крест опять-таки аналогичной формы, но техника исполнения отличает его от предыдущих примеров: крест выступает более рельефно. Кроме того, в отличие от двух первых рассмотренных плит в данном случае крест не обрамлен аркой в верхней части. Нижняя часть оформлена в виде узкой подставки, украшенной рельефно выступающей сферой. Эта деталь сближает рассматриваемый рельеф с изображениями трех голгофских крестов в навершиях окон на фасаде Бзыбского храма³⁸ (рис. 12). Местонахождение этого рельефа неизвестно. Л. Рчеушвили, исследуя архитектуру храма, датирует его также X в.³⁹

Ко второй подгруппе отнесем рельеф в верхней части алтарной стены церкви св. Феодора, прямо под надписью, сделанной монахами Ново-Афонского монастыря в 90-е годы XIX в. (рельеф 4). О функции этой плиты речь пойдет ниже. Остановимся на особенностях его формы. Это равноконечный крест с сильно расширяющимися к концам перекладами, образующими треугольники со слегка вогнутыми сторонами. Внутри каждого треугольника глубоко врезанными чертами образованы меньшие треугольники, внутри которых помещено по одной большой точке. Он явно представляет тот же тип, что и крест на рельефе, описанном В.В. Латышевым, с той лишь разницей, что на утерянном рельефе он представлен в более примитивной форме. Рассматриваемый нами экземпляр выглядит более развитым за счет декоративных кружков. Кресты подобного типа неоднократно встречаются на фасадах церквей X – начала XI в.⁴⁰ Ближайшей аналогией, однако, служит фрагмент фасадного рельефа со строительной надписью абхазского царя Георгия II (929–957), хранящийся в музее г. Сухуми (рис. 13).

К третьей подгруппе отнесем плиту с изображением процветшего креста (рельеф 22). Сохранность рельефа позволяет различить уже знакомую по двум предыдущим подгруппам форму креста: вертикальная перекаладина длиннее горизонтальной, концы ветвей расширяются. Внутри основного изображения

³⁶ *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens de la côte orientale de la mer Noire. Abkhazie IV–XIV siècles. Bibliothèque de l'Antiquité Tardive. 9. Brepols, 2006. Pl. 72 d.

³⁷ *Рчеушвили Л.* Купольная архитектура... Табл. 7.

³⁸ Там же. Табл. 7.

³⁹ Там же. С. 22.

⁴⁰ *Шмерлинг Р.* Грузинский архитектурный орнамент. Тбилиси, 1954: церковь в Земо-Скра, с. 37, в Пархали, с. 43.

глубоко врезанными чертами образован меньший по размеру крест. На углах перекладин едва различимы декоративные кружки. Процветшие кресты аналогичной формы встречаются на фасадах ряда церквей X – начала XI в.: на восточном фасаде церкви в Берис Сакларе (первая половина X в.)⁴¹, в навершиях окон церкви в Пархали⁴². В топографическом отношении ближайшую аналогию предоставляет рельеф, украшающий вход в северный придел храма в селе Агу-Бедиа, датируемого временем царя Баграта III (978–1014) по надписи на потире (998/99), происходящем из этой церкви. Здесь, однако, следует оговориться, что существует версия о более поздней датировке этого храма⁴³.

К рельефам последней, четвертой подгруппы, отнесем две плиты с изображениями крестов так называемого “мальтийского” типа (рельефы 13, 57). На фрагменте первой из них сохранился крест меньшего размера, изображение которого сильно пострадало (рельеф 13). На второй плите большего размера крест этого типа выполнен схематично (рельеф 57). Этот тип довольно архаичен. Подобного рода кресты встречаются на архитраве западного окна базилики в Квабисхеви, датируемой концом IX в.⁴⁴

Подводя итог анализу рельефов второй группы, отметим, что большинство из них (за исключением последней подгруппы) может быть отнесено, подобно рельефам первой группы, ко времени между 60-ми годами X и серединой XI в. Анализ рельефов последней подгруппы подсказывает возможность расширения этого интервала примерно на полвека, до рубежа IX–X вв.

В третью и самую многочисленную группу выделяются рельефы с орнаментальными и растительными мотивами. Подобного рода украшения весьма типичны для храмов на территории современной Абхазии и Западной Грузии начиная с середины X в. Преобладают здесь орнаментальные “плетенки” различных типов, выполненные одинаковой двойной лентой плетения, расчлененной надвое неглубоким желобком.

К первой подгруппе отнесем плиты разной формы (проблема функции этих объектов будет рассмотрена отдельно), с “плетенкой”, образованной круговыми линиями большого диаметра. В орнаменте этого типа использован прием, выработанный несколько ранее, в начале X в.: в просветах петель плетения помещаются маленькие пуговицы с высверленной в центре выемкой⁴⁵. Плетенка этого типа украшает восемь плит, вмонтированных в алтарную стену церкви св. Феодора (рельефы 25, 44, 19, 50, 51, 52, 59, 45). Среди ближайших аналогий отметим плиты внешней облицовки храмов в Кумурдо⁴⁶, в Шепяк (X в.)⁴⁷ и храма Баграта III в Бедиа. Эти примеры, по-видимому, также не противоречат предлагаемой датировке рельефов Анакопии интервалом между 60-ми годами X в. и серединой XI в. (до времени правления Константина Мономаха, 1042–1055).

⁴¹ Рчеушвили Л. Купольная архитектура... С. 24.

⁴² Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 43.

⁴³ Он же. К вопросу о датировке росписи храма Бедиа // Сообщения АН ГрузССР. Тбилиси, 1957. XVIII. 4. С. 59.

⁴⁴ Рчеушвили Л. Купольная архитектура... С. 22.

⁴⁵ Шмерлинг Р. Малые формы в архитектуре средневековой Грузии. Тбилиси, 1962. С. 109.

⁴⁶ Он же. Грузинский архитектурный орнамент... С. 35.

⁴⁷ Там же. С. 38.

Ко второй подгруппе отнесем плиту, украшенную орнаментом-плетенкой аналогичной же формы, но с меньшим диаметром основных кругов и с каймой из кругообразных петелек (рельеф 17). Исходя из особенностей формы, можно заключить, что эта плита использовалась при облицовке грани апсиды. На ней сочетаются два типа изображений, плетенка и крест, обрамленный двойной лентой волнообразной формы. Эта плита может быть датирована по типу плетенки, аналогии которому встречаются на плитах фасадов храмов Баграта III в Кутаиси (1003 г.)⁴⁸ (рис. 14) и в Поке (начало XI в.)⁴⁹ (рис. 15).

В третью подгруппу входят пять плит, украшенных резным узором, составленным только из сочетаний кругообразных петелек небольшого диаметра (рельефы 35, 6, 5, 14, 43). Узоры такого типа встречаем в орнаментальной фасадной резьбе соборов в Кумурдо⁵⁰, в Кутаиси⁵¹, в Патара-Они (XI в.)⁵² и в Самтавро (XI в.)⁵³.

Резные плиты с орнаментом, образованным чередованием переплетающихся кругов или прямоугольников большего размера и маленьких кругообразных петелек, отнесем к четвертой подгруппе. Можно выделить четыре плиты этого типа (рельефы 23, 34, 12, 58). Ближайшими аналогиями служит рельеф, обнаруженный М.М. Трапшем внутри нижнего храма Анакопийской крепости⁵⁴ (рис. 16), а также крест над южным входом в храм Баграта III в Бедиа, перекладки которого составлены из плетенок рассматриваемого типа. Пятую подгруппу составляют шесть плит, украшенных плетенками, образованными чередованием переплетающихся кругов большего диаметра и ромбов (рельефы 30, 20, 3, 41, 48, 15). Похожий орнамент встречается на плите, опубликованной М.М. Трапшем и происходящей из нижнего храма Анакопийской крепости⁵⁵, и на плите, составляющей часть внутренней облицовки оконного проема в храме в Бедиа.

В шестую подгруппу входят плетенки с орнаментом, составленным из ромбовидных фигур одинакового размера. Этот вид орнамента относится к числу распространенных (рельеф 24). Так, встречаем его, к примеру, в облицовке храмов в Кумурдо и в Бедиа. Плетенки, составленные из соединенных друг с другом и равных по размеру кругов простой формы, составляют седьмую подгруппу (рельеф 49). Подобного рода орнамент встречается в храмах в Земо-Скра (X в.)⁵⁶ и в Вале⁵⁷.

Две плиты с изображениями растительных мотивов составляют восьмую подгруппу. Одна из них изображает растительный орнамент из обрамления угла оконного проема (рельеф 18). Подобная форма листа характерна, в частности, для растительных орнаментов, обрамляющих оконные и дверные

⁴⁸ Там же. С. 49.

⁴⁹ Там же. С. 53.

⁵⁰ Там же. С. 35.

⁵¹ Там же. С. 49.

⁵² Там же. С. 56.

⁵³ Там же. С. 61.

⁵⁴ Трапи М.М. Труды... С. 104. Рис. 35.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Шмерлинг Р. Грузинский архитектурный орнамент... С. 37.

⁵⁷ Там же. С. 40.

проемы храма Баграта III в Кутаиси⁵⁸. Фрагмент второй плиты, видимо, содержит изображение нижней части растения (рельеф 27). Украшения этого типа в изобилии встречаются на фасаде храма в Вале⁵⁹.

И наконец, к последней девятой подгруппе отнесем плиту, служившую, судя по форме, обрамлением оконного проема (рельеф 36). Ее особенность – сочетание двух орнаментальных мотивов: полукруглых рельефных валиков, обрамлявших проем окна прямоугольной формы, и причудливой розетки, составленной из переплетающихся в виде четырехлопастной звезды, круга и квадрата. Украшения аналогичного типа встречаются, в частности, над дверью северного фасада храма в Бедиа.

В итоге можно заключить, что аналогии наблюдаемым типам плетенок и растительных орнаментов распределяются в интервале со второй половины X в. до первой трети XI в.

Четвертую группу составляют рельефы с изображениями архитектурных мотивов и простых полукруглых валиков. К первым относится одна плита, на которой схематично изображен мотив, напоминающий изображение аркатурно-колончатого пояска (рельеф 31). Рельеф неглубокий, очень грубого исполнения. В изображении пилястры, поддерживающей две арочки, сделан строительный паз. Судя по форме этой плиты, можно предположить, что она тоже использовалась для облицовки грани апсиды. Орнаментальный мотив аркатурно-колончатого пояска нередко использовался в украшении пьедестала барабана купола и особенно часто в украшении восточных апсид храмов, датируемых серединой X – первой половиной XI в.⁶⁰ Плиты, края которых профилированы в виде валиков (рельефы 42, 60, 54, 46, 63), явно служили обрамлениями окон и дверных проемов. Такой тип орнаментации присущ фасадной пластике и также был особенно популярен в указанный период времени.

Последнюю (пятую) группу составляют каменные плиты без орнаментальной резьбы, которые будут рассмотрены ниже, в связи с вопросом о функции каменных плит алтаря церкви св. Феодора.

Подводя итог, можно заключить, что рельефы всех пяти выделенных групп распределяются по двум периодам. Первую группу, к которой отнесены две плиты с изображением “мальтийских” крестов, кажется возможным датировать первой половиной X в., а все остальные рельефы – интервалом от 60-х годов X в. до середины XI в. Отметим и тот факт, что большинство наиболее очевидных аналогий локализуется частично на территории современной Турции и Юго-Западной Грузии (исторические провинции Тао и Кларджети).

В функциональном анализе целесообразно опираться на формальную типологию изучаемого материала. Сразу отметим недостаточность визуального исследования, в силу которой излагаемые ниже соображения являются сугубо предварительными и не могут быть уточнены без обмеров рассматриваемого материала и привлекаемых аналогий. Кроме того, серьезному анализу препятствует состояние объекта: плиты вмурованы в стену, в силу чего анализу могут быть подвергнуты только их лицевые поверхности.

⁵⁸ Там же. С. 51.

⁵⁹ Там же. С. 40.

⁶⁰ Беридзе В. Архитектура Тао-Кларджети... С. 132.

Прежде всего выделим группу (первую) плит, которые могут быть идентифицированы как облицовка наличников окон (рельефы 37, 39, 36, 28, 47). Среди них отметим самые маленькие по размеру проема две плиты с изображениями льва и рыб, с проемами самых незначительных размеров. Судя по нижней их части, они украшали небольшие щелевидные оконца с полукруглым завершением. Две плиты с крестами под аркой также могли служить украшениями наличников окон с полукруглым завершением, но окон более широкого проема. Украшением окна такого же типа, по-видимому, служила и плита, профилированная в верхней части валиками. Последняя плита этой группы, судя по размерам, могла украшать наличник окна того же типа, что и три предыдущие, но с прямоугольным завершением.

Ко второй группе можно отнести вероятные обрамления окон. Так, одна плита с растительным орнаментом с удлиненными листьями, возможно, украшала прямой угол оконного проема, поскольку для порталов, как кажется, обычно применялась более крупная резьба (рельеф 18). Подобная концепция украшения окна встречается в храме в Никорцминда⁶¹ первой половины XI в.

В третью группу входят резные плиты, украшавшие входные порталы. Среди них выделяются три плиты, профилированные валиками, наподобие двух плит, служивших навершиями окон (рельефы 60, 54, 63). Интересно, что аналогичный способ украшения входного западного портала угадывается по плитам, находящимся *in situ* в церкви св. Феодора (рис. 17). Три других рельефа, вероятно, выполнявшие ту же функцию, украшены резьбой с изображениями переплетающихся кругов большого диаметра (рельефы 44, 50, 59). К этой же группе отнесем плиту с изображением креста в круге, которая, судя по аналогии в так называемом храме Симона Канонита, располагалась над входным порталом (рельеф 40).

К четвертой группе можно отнести четыре камня, которые использовались для облицовки грани, вероятно, апсиды (рельефы 17, 25, 62, 31). Одна из них украшена вертикальной по отношению к ребру плетенкой с мотивом переплетающихся кругов большого диаметра и изображением креста, другая – подобием аркатурно-колончатого фриза крайне примитивного вида. Две оставшиеся плиты не имеют никакого орнамента. Размеры этих плит подсказывают, что они могли служить облицовкой апсиды: судя по цоколю, грани угадываются в форме апсиды церкви св. Феодора (рис. 18).

Пятую группу плит составляют камни, вероятно, выполнявшие функцию надгробных плит. К ним, судя по низкому рельефу, можно отнести две плиты с изображениями “мальтийских” крестов (рельефы 13, 57). Аналогичный по технике рельеф встречается на надгробных плитах внутри соборов в Мокве и Агу-Бедиа. В эту же группу входят два камня с надписями, одна из которых раскрывает функцию плиты⁶². Другой камень, по сообщению архимандрита Иерона⁶³, был снят с могилы возле церкви. Его функцию подтверждает надпись⁶⁴ (рельефы 11, 8).

⁶¹ Аладашвили Н.А. Монументальная скульптура... Ил. 155.

⁶² Латышев В.В. К истории христианства... С. 18–19.

⁶³ Там же. С. 24–25.

⁶⁴ Там же. С. 18–19.

В шестую группу входят плиты, вероятно, облицовывавшие храм изнутри. К ним относятся плиты со следами строительных пазов. С ними связаны плиты со следом строительного паза (рельефы 4, 32, 38, 1). Среди них три плиты без орнамента и одна плита с орнаментом в виде креста, перекладины которого выполнены в форме ласточкина хвоста с декоративными кружочками на каждом из углов. Небольшой фрагмент над верхним концом вертикальной перекладины позволяет предполагать существование над ним арочного пояса. К этой же группе можно отнести ряд плит без орнамента.

Все остальные фрагменты плит, украшенные в основном орнаментами-плетенками, как минимум, девяти различных типов, вероятно, выполняли функцию внешней облицовки фасада церковного здания. Но некоторые из них могут быть и фрагментами алтарной преграды (рельеф 24). Тем более, что мотивы украшений алтарных преград нередко применялись и на фасадах церковных зданий⁶⁵. Однако ответить на этот вопрос не представляется возможным без обмеров церковей подобного типа и времени строительства, необходимых для полноценного сравнительного анализа.

Подводя итог, отметим, что среди рассмотренных каменных плит можно выделить экземпляры, вероятно, первоначально использованные во внешней облицовке фасадов церковного здания (обрамления окон, входных порталов, апсиды, стен), а также в его внутренней облицовке и, возможно, в устройстве алтарной преграды. Некоторые из них могли применяться в захоронениях внутри храма или в непосредственной близости от него. Несмотря на разнообразие орнаментальных мотивов этих плит, исходя из их функциональных характеристик, можно предположить, что они восходят к архитектурному декору одного церковного здания небольшого размера.

Ответить на вопрос об их происхождении возможно лишь чисто гипотетически, принимая во внимание также и технику их исполнения. В этом отношении рельефы также представляются разнородными, хотя все они выполнены из одного материала, видимо, местного известняка.

К первой группе можно отнести плиты, выполненные в относительно высоком рельефе, с четким рисунком на гладком фоне. В нее входит большинство камней с орнаментальными плетенками, изображениями животных, рыб и креста, орнаментированного кружочками по углам оконечностей перекладин, плита с крестом без арки, навершие окна прямоугольной формы и растительный орнамент, вероятно, украшавший угловую часть наличника.

Вторую группу составляют плиты, поверхность которых покрыта насечками “в елочку”. В нее входят рельефы с изображениями крестов под арками, плита с аркатурно-колончатый фризом, камни, служившие для облицовки порталов и оконных проемов с профилировкой в виде валиков и некоторые другие плиты без орнамента.

К третьей группе относятся рельефы не столь высокие, как в первой группе, с менее четкой прорисовкой контуров. В нее входят две плиты с изображениями крестов (процветший крест и крест в круге), плита с орнаментальным мотивом в виде нижней части растения и некоторые камни с плетенками.

⁶⁵ Шмерлинг Р. Малые формы.... С. 116–123.

Четвертую группу составляют плиты с плоским рельефом и примитивным рисунком. В нее входят две плиты с изображениями “мальтийских” крестов.

Надписи на четырех плитах, найденных возле церкви, проливают свет на историю церкви св. Феодора. Три из них вмонтированы в алтарную стену (рельефы 11, 6, 8), четвертая утеряна. Плита с выбитой в конце XIX в. датой “437 г.”, по наблюдению В.В. Латышева, является нижней частью ствола креста с постаментом⁶⁶. В сохранившихся 17 строках греческой погребальной надписи указан год кончины усопшего – 929 г.⁶⁷ Надпись на утерянной плите, по заключению В.В. Латышева, была написана человеком, знавшим греческий, но не являвшимся носителем этого языка. Это, как уже отмечалось, строительная надпись, повествующая об украшении церкви при Константине IX Мономахе, содержащая точную дату: 6554 = 1046 г.⁶⁸ Те же лица и тот же год упомянуты в еще одной греческой строительной надписи, сохранившейся в алтарной стене церкви св. Феодора⁶⁹. И наконец, четвертая греческая надпись выполнена на камне, возможно, служившем престольной доской в алтарной нише храма⁷⁰. Она сообщает об освящении храма во имя св. Феодора при архиепископе Михаиле⁷¹. Несмотря на отсутствие даты, В.В. Латышев по палеографическим признакам отнес ее к XI в. и заключил, что речь в ней идет об освящении того же храма, о постройке которого сообщается в предыдущей надписи⁷². Таким образом, благодаря эпиграфическим данным становится ясным, что церковь, в алтаре которой находятся рассматриваемые рельефы, была украшена при Константине IX Мономахе, в 1046 г., и освящена в честь св. Феодора.

Археологические материалы также проливают некоторый свет на историю храма. Посетив его в 1925 г., А.С. Башкиров отметил, что основной объем здания был возведен, вероятно, несколько раньше, чем была произведена его облицовка⁷³. Наиболее серьезные археологические изыскания проводились на территории Анакопии под руководством М.М. Трапша в 1957–1958 полевых сезонах. Целью экспедиции было изучение оборонительных линий крепости. При осмотре церкви в цитадели М.М. Трапш не обнаружил никаких следов построек раннехристианского времени. Исходя из особенностей

⁶⁶ Латышев В.В. К истории христианства... С. 18.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же. С. 24: “Принимая во внимание указанные ошибки и исправив орфографические особенности, мы получим следующую транскрипцию надписи: † Ἐκαλλιεργήθη προνοία θεοῦ καὶ τῆς θ(εοτό)κου καὶ τῆ μεγάλης εὐτυχίας Κωνσταντίνου μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων τοῦ Μονομάχου διὰ συνδρομῆς Εὐγενίου πρωτοσπαθαρίου (ὁ) τοῦ Δεσπότη καὶ Θεοδώρου ταξίαρχου Κάσης τοῦ Β(ι)αλάντη (αὐ)τῆ ἡ θαυμαστή... ἔτ(ου)ς (ζϕνδ´ μηνί Φευ(ρουα) ρίψ, ἰνδκτ(ι)ῶνος ἰδ´». Автор благодарит А.Ю. Виноградова за высказанные в личной беседе предположения по поводу перевода отсутствующего глагола: «сказано ἔκαλλιεργήθη, т.е. облагодетельствована. Эта формула известна по Jerphanion 182 (1006 г.), 186 (1060–1061 гг.) и, в сочетании с первым ἀνεκαίνισθη или ἀνηγέρθη, по Beševliev 78 (1042–1050 гг.) и Gregoire 51 (1544–1545 гг.), причем в каппадокийских примерах оно точно относится к украшению, а не к постройке храма”.

⁶⁹ Там же. С. 25.

⁷⁰ Там же. С. 29.

⁷¹ Там же. С. 30.

⁷² Там же.

⁷³ Башкиров А.С. Археологические разыскания... С. 54.

кладки стены цитадели ученый указал, что она не могла быть сделана ранее V–VI вв. Однако более точную датировку он не предложил. Затем исследователь отметил, что башни цитадели могли быть построены позднее, около VIII в.: утверждение, которое не уточняет датировку стен цитадели. Что касается храма, то М.М. Трапш отметил неоднократные его перестройки: “Лишь алтарная часть... сохранила свои первоначальные очертания”⁷⁴. Кроме того, ученый указал, что с западной стороны храма находились гробницы, выдолбленные в скале и перекрытые каменными плитами⁷⁵. Стены западного притвора были возведены монахами Ново-Афонского монастыря в конце XIX в. К тому же времени относится и частичная облицовка стен⁷⁶. М.М. Трапш согласился с мнением А.С. Башкирова, который отнес строительство основного объема храма ко времени до VIII в., а перестройку базилики датировал XI–XII вв.⁷⁷, что точно соответствует эпиграфическим данным.

При исследовании культурного слоя внутри башен второй линии обороны экспедицией были найдены, помимо прочего, остатки керамики и монеты, по которым М.М. Трапш установил следующую хронологию развития поселения на Анакопийской горе:

IV–II вв. до н.э. – эллинистическое поселение на склонах горы;

VII–XII вв. н.э. – период функционирования Анакопийской крепости;

VIII–IX вв. – первый период интенсивного строительства оборонительных сооружений;

X–XI вв. – второй период интенсивного строительства и обновления оборонительных сооружений⁷⁸.

С последним периодом можно соотнести не только обновление и восстановление башен и стен второй линии обороны, но также и строительство гражданских зданий. В их числе известняковая печь на одной из террас крепости⁷⁹ и небольшая одноапсидная церковь, обнаруженная в 1957 г. неподалеку от южной стены внешнего кольца оборонительных сооружений, у конца шестого витка современной дороги на вершину горы⁸⁰. Внутри этой церкви есть фрагменты пилястры из алтарной преграды⁸¹, орнаментальная резьба которых идентична двум фрагментам резных плит с плетенками, вмурованными в алтарную стену церкви в цитадели.

Следующие по времени археологические исследования проводились внутри цитадели в 2004 г. в связи с подготовкой к реставрации восточной башни. Работами руководил археолог-реставратор Ю.Б. Бирюков. Исследуя культурный слой внутри нее, исследователь пришел к выводу, что, судя по характеру керамики и фрагментам резных плит с плетенкой, найденным в верхнем слое,

⁷⁴ Трапш М.М. Труды... С. 96.

⁷⁵ Там же. С. 97.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 98.

⁷⁸ Там же. С. 147.

⁷⁹ Там же. С. 128. Рис. 45.

⁸⁰ Там же. С. 101.

⁸¹ Там же. С. 102. Рис. 35.

его можно датировать XI в.^{82,83} При этом Ю.Б. Бирюков отметил, что толщина культурного слоя не дает возможности говорить о жизни здесь ранее VIII–IX вв.⁸⁴ Никаких следов существования более ранних построек на территории цитадели до сих пор не обнаружено⁸⁵.

Сопоставляя эпиграфические и археологические свидетельства, которые как нельзя лучше согласуются друг с другом, можно заключить, что храм внутри Анакопийской крепости был построен не ранее VII–VIII вв. и функционировал вплоть до XI–XII вв.⁸⁶ В XI в., при византийском императоре Константине IX Мономахе, в крепости были проведены крупномасштабные строительные работы по укреплению южной стены и башен второй линии обороны. Тогда же внутри крепости были построены небольшая одноапсидная церковь, а главная церковь внутри цитадели была украшена (вероятно, облицована) и освящена во имя св. Феодора. Найденная внутри крепости известковая печь свидетельствует о том, что строительные материалы изготавливались на территории крепости.

История средневековой Анакопии также представляет немалый интерес⁸⁷. Из сообщений Картлис Цховерба ясно, что решающую роль в развитии крепости сыграла битва с арабским полководцем Мерваном ибн Мухаммедом, опустошившим территорию современной Центральной и Восточной Грузии. В 737 г. он подошел к стенам крепости, где потерпел поражение и вынужден был покинуть пределы Абхазии⁸⁸. С этого момента начинается развитие Анакопии в качестве главного города независимого государственного образования, Абхазского царства. Не останавливаясь на анализе этого процесса⁸⁹, отметим, что в 80-е годы VIII в. правитель абхазов Леон II отложился от власти византийского императора и провозгласил себя царем. С этого момента начинается процесс присоединения соседних земель, в результате которого восточная граница Абхазского царства в первой половине X в. простиралась до Сурамского хребта, а на юге – до р. Чорох, т.е. до границ Тао, Кларджетии и Картли⁹⁰. В начале XI в. возникло новое государственное образование, царство абхазов и картлийцев, во главе которого встал царь Баграт III, который по материнской линии был внуком абхазского царя Георгия II (929–957), а по отцу происходил из рода Багратидов. Немалый вклад в процесс объединения

⁸² Автор благодарит сотрудников Управления по охране памятников Республики Абхазия за возможность ознакомиться с неопубликованным отчетом Ю.Б. Бирюкова и самого Ю.Б. Бирюкова за разъяснения и соображения, высказанные в личной беседе.

⁸³ Другие исследователи, исходя из анализа керамики в культурном слое, предлагают датировать ее XI–XIV вв.: *Бгажба О.Х.* Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII–XIV вв.). Сухуми, 1977. С. 13–14, 61–64.

⁸⁴ Данное предположение носит предварительный характер и было высказано в личной беседе.

⁸⁵ Здесь надо учитывать, что крупномасштабных археологических исследований внутри цитадели пока еще не проводилось.

⁸⁶ Оставляем в стороне проблему локализации византийской крепости Трахея VI в., упомянутой у Прокопия Кесарийского: *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухуми, 2007. С. 89–90.

⁸⁷ См. историю локализации крепости Анакопия по данным письменных источников: *Khroushkova L.* Les monuments chrétiens... P. 91. Not. 21.

⁸⁸ *Анчабадзе З.В.* Из истории средневековой Абхазии (VI–XVII вв.). Сухуми, 1959. С. 93.

⁸⁹ Там же. С. 95–160.

⁹⁰ Там же. С. 117.

внес правитель Тао, Кларджети и Картли Давид Куропалат (966–1002)⁹¹. Судя по памятникам нумизматики, цари объединенного государства носили титул “царей Абхазии и Картли”, а в сокращенной версии титулатуры именовались просто “царями Абхазии” – вплоть до Давида Строителя (1089–1125)⁹².

В связи с этим напомним, что сопоставление рельефов Анакопии с памятниками, происходящими с территории современной Юго-Западной Грузии и Турции (исторические провинции Тао, Кларджети или Верхний Картли), позволяет датировать большую часть фигуративных и орнаментальных рельефов (за исключением основания креста с погребальной надписью и двух рельефов с изображениями “мальтийских” крестов) периодом от 60-х годов X в. до середины XI в. Начало этого периода соответствует времени наивысшего расцвета Абхазского царства, связанного с деятельностью царя Леона III (955–967). По свидетельству строительной надписи храма в Кумурдо, одного из ключевых памятников архитектуры и искусства на территории Верхний Картли, он был построен по инициативе именно этого царя. Другие храмы на этой территории, на фасадах которых обнаружены ближайшие аналогии рельефам из Анакопии и строительные надписи, были построены при Давиде Куропалате.

Верхнюю хронологическую границу изготовления рельефов из Анакопии, как уже сказано, определяет надпись с именем византийского императора Константина IX Мономаха и датой (1046 г.). Из сообщения Матиане Картлиса известно, что вторая жена царя Георгия I, осетинская царевна Алда, вместе с сыном Дмитрием с 1027 г. жила в Анакопии и пыталась организовать там заговор с целью свержения старшего брата Дмитрия, царя Баграта IV (1027–1072). После неудачной попытки переворота Дмитрий сдал Анакопию византийцам⁹³, которые владели городом до 1073 г.⁹⁴ Именно в это время здесь и были произведены крупномасштабные строительные работы, отражаемые археологическими и эпиграфическими свидетельствами. По всей вероятности, рассмотренные рельефы также были изготовлены именно в это время.

Отсюда вытекает, что при византийцах в Анакопии работали местные мастера (судя по орфографии строительной надписи), которые в своем творчестве воспроизводили художественные формы, бытовавшие на территории Абхазского царства и земель Тао, Кларджети, Картли примерно на полвека ранее. Р. Шмерлинг объясняет подобные факты принадлежностью мастеров “не к младшему, а к старшему поколению художников этого времени”⁹⁵.

Подводя итог, отметим, что резные плиты, вмонтированные в алтарную стену церкви св. Феодора в цитадели крепости Анакопии, судя по всему, достаточно гомогенны по происхождению. Большинство из них было выполнено во

⁹¹ Там же. С. 164.

⁹² Там же. С. 172.

⁹³ *Jean Skilitus. Empereurs de Constantinople / Texte traduit par B. Flusin et annoté par J.-C. Cheynet. P., 2003. P. 322.*

⁹⁴ *Анчабадзе З.В. Из истории... С. 179.* Здесь следует упомянуть также недавно найденную в Болгарии свинцовую печать, принадлежавшую стратегу Сотериуполиса и Анакопии, которая датируется 40-ми годами XI в.: *Seibt W., Jordanov I. Στρατηγός Σωτηρουπόλεος και Ανακουπίας: Ein mittelbyzantinisches Kommando in Abkhazien (11 Jh) // Studies in Byzantine Sigillography. 2006. 9. S. 231–239.*

⁹⁵ *Шмерлинг Р. Малые формы.... С. 115.*

время строительных работ, проводившихся в крепости при императоре Константине IX Мономахе. Церковь внутри цитадели была построена, вероятно, в VIII в. Три плиты (одна с погребальной надписью и две с “мальтийскими” крестами), очевидно, были изготовлены в 30-е годы X в. и покрывали захоронения в западной части церкви или в непосредственной близости от нее. Остальные рельефы, вероятно, были сделаны для облицовки храма, внутренней и внешней, и, возможно, для устройства алтарной преграды церкви св. Феодора при ее украшении в 1046 г. Присутствие в одном памятнике такого разнообразия орнаментальных мотивов не противоречит общей концепции украшения фасадов храмов, сформировавшейся к 60-м годам X в. на рассматриваемых территориях⁹⁶. Не противоречит ей и разнообразие приемов технического исполнения архитектурных деталей⁹⁷. Характер орнаментальных и фигуративных мотивов на плитах, вероятно, украсивших церковь св. Феодора к 1046 г., делает ее выдающимся памятником монументального искусства, воспроизводящим художественные формы периода расцвета Абхазского царства. В то же время этот памятник свидетельствует о существовании тесных культурных контактов с соседними землями.

В заключение подчеркнем, что все изложенные здесь соображения о функции и происхождении анакопийских рельефов носят предварительный характер, так как для их верификации необходимы точные обмеры церкви в цитадели Анакопии и других церквей этого времени. Желательно сделать также и реконструкцию храма с учетом резных плит, вероятно, использованных в ее облицовке.

Детальное изучение памятников Анакопии необходимо для исследования художественного наследия Абхазского царства. В этом отношении особенно перспективным представляется их сопоставление с памятниками Тао и Кларджети.

⁹⁶ См., к примеру, фасады храмов в Кумурдо (*Аладашвили Н.А.* Монументальная скульптура... Ил. 73), в Агу-Бедиа, в Вале (Там же. Ил. 89, 90, 91, 95), в Ошки (Там же. Ил. 121–127).

⁹⁷ См. разницу в технике исполнения плит внешней и внутренней облицовки собора в Агу-Бедиа.